

обеспечены продуктами питания, промышленными товарами и т.д. В результате рыбаки в течение 7–12 дней не получали хлеба, в больших количествах поедали рыбу и технический жир, отпущенный для освещения, что иногда приводило к отравлению [4, л. 25].

После окончания Великой Отечественной войны страна приступила к восстановлению разрушенного за годы войны народного хозяйства. Снабжение населения рыбой оставалось насущной задачей. Для этого рыбному хозяйству ставились производственные задания в объемах, не меньших, чем в военный период. Неограниченный лов рыбы во время войны привел к тому, что рыбные ресурсы Байкала были основательно истощены.

Список использованной литературы и источников

1. Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области: сб. документов. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2015. — 320 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-2716. — Оп. 1. — Д. 10.
3. ГАИО. — Ф. р-1933. — Оп. 13. — Д. 4.
4. ГАИО. — Ф. р-3044. — Оп. 1. — Д. 15.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. 127. — Д. 668.
6. ГАНИО. — Ф. 258. — Оп. 1. — Д. 480.
7. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. р-1300. — Оп. 1. — Д. 144.
8. Голубая нива Бурятии / ред.-сост. Б. Б. Болотов. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2001. — 144 с.
9. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX в. / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. — 496 с.

Информация об авторе

Аргунова Юлия Юрьевна — соискатель, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yulee@mail.ru.

Author

Yuliya Yu. Argunova — PhD student, Department of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: yulee@mail.ru.

УДК 94(571)“1933/34”
ББК 63/3(253)614-2

В.Б. ЛАПЕРДИН

ХЛЕБОЗАКУПОЧНЫЕ КАМПАНИИ 1933–1934 ГОДОВ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ*

В статье рассматриваются хлебозакупочные кампании 1933–1934 гг. в Западно-Сибирском крае. Их планы не выполнялись не только из-за пассивного крестьянского сопротивления, но и по причине

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-01-00067).

конкуренции со стороны рынка. Выполнить хлебозакупочные планы в таких условиях становилось возможным только применяя административно-репрессивные меры. Тем не менее, дефицит хлеба в деревне и пассивное крестьянское сопротивление государственным мерам, а также конкуренция со стороны рынка, привели к провалу хлебозакупочных кампаний в 1933–1934 гг.

Ключевые слова: хлебозакупочные кампании, аграрная политика государства, Сибирь, советские органы управления, крестьянство.

GRAINPURCHASE CAMPAIGNS IN WEST SIBERIAN REGION IN 1933–1934

Author analyses grainpurchase campaigns 1933/1934 in West Siberian region. Plans were not fulfilled, not only because of passive resistance of peasants, but also because of market competition. To fulfill plans in these circumstances was only possible using administrative and repressive sources. However, grain shortage in rural regions and passive resistance of peasants, as well as market competition, led to the failure of grainpurchase campaigns in 1933–1934 years.

Keywords: grainpurchase campaigns, agrarian policy of the state, Siberia, Soviet government, peasantry.

Хлебозаготовительные кампании наравне с коллективизацией и раскулачиванием стали основными хозяйственно-политическими акциями начала 1930-х гг. для советской деревни. Именно в ходе хлебозаготовок государство изымало у крестьян зерновую продукцию. Однако кроме хлебозаготовок большое значение для пополнения государственных хлебных резервов и снабжения продовольствием городов имели хлебозакупочные кампании, в Западной Сибири проходившие с начала 1933 г. В данной статье рассматриваются хлебозакупочные кампании 1933 и 1934 гг. Хронологические рамки объясняются тем, что в первые два года происходило становление хлебозакупочной системы, осложнявшееся голодом и сельскохозяйственным кризисом. Занимавшиеся хлебозакупом государственные организации столкнулись с множеством проблем, в результате которых планы не выполнялись. В 1933 г. из запланированных в регионе 5 млн. пуд. удалось собрать менее 3 млн пуд. [2, оп. 2, д. 355, л. 214]. Проходившая зимой — летом 1934 г. кампания также провалилась, вместо 10 млн пуд. заготовители получили 6 млн пуд.

Хлебозакупочные кампании 1930-х гг. до сих пор не рассматривались в историографии как отдельный предмет исследования. В основном о них говорилось в контексте хлебозаготовительных кампаний или проблемы голода. Так, В.В. Кондрашин рассматривает хлебозакуп как один из способов преодоления голода, применявшийся государством. Районные власти получали отчисления от поступавшего в ходе закупа

хлеба и могли распоряжаться им для снабжения населения, что позволило смягчить продовольственный кризис [5, с. 239–241]. Р. Дэвис и С. Уиткрофт также связывают проведение хлебозакупа с голодом и обращают внимание на административные меры, применявшиеся властями. Хлебозакупки «по существу представляли собой дополнительный план принудительных хлебозаготовок под новым названием» [3, с. 206]. На материалах Западной Сибири хлебозакупочные кампании также до сих пор не стали темой отдельных исследований. В.А. Ильных рассматривает хлебозакуп как прогрессивный (увеличивавшийся в урожайные годы) натуральный налог на доходы, получаемые колхозниками за работу в «общественном» хозяйстве. Его точка зрения объясняется тем, что именно колхозники становились основными продавцами хлеба государству. Колхозы также продавали хлеб, но в основном за счет зерна, предназначенного для выдачи на трудодни. Крестьяне-единоличники практически не участвовали в хлебозакупе [1, с. 516]. Им же на материалах Западно-Сибирского края рассмотрена проблема применения административно-репрессивных мер со стороны государства при проведении хлебозакупочных кампаний [4, с. 53–60].

Ведение хлебозакупа возлагалось одновременно на несколько организаций. Бюро Западно-Сибирского крайкома несло ответственность за успешное проведение кампании на территории края и принимало наиболее важные решения в установленных Центром рамках. Кампанию координировала специально созданная для этого краевая контора закупхлеб. Приемом и хранением хлеба занималось заготзерно. По условиям закупа колхозники и крестьяне-единоличники продавали государству хлеб по ценам на 20–25 % выше заготовительных. На вырученные деньги они могли покупать в сельпо дефицитные товары в расчете на три рубля за каждый рубль проданного государству хлеба. Поэтому важная роль при ведении хлебозакупочных операций отводилась потребительской кооперации, которая наравне с заготзерно занималась приемкой хлеба. На районном уровне ключевые решения принимались партийными организациями — райкомами. В промышленных районах ответственность возлагалась на горкомы. Именно они отвечали перед Западно-Сибирским крайкомом за ход хлебозакупочной кампании. В связи с тяжелым продовольственным положением в городах и сельских районах, в распоряжение горсоветов и райисполкомов отчислялся процент от купленного у населения хлеба. Так, согласно постановлению крайкома от 7 февраля 1933 г., он составлял 10 % для сельских и 30 % для промышленных районов [2, оп. 1, д. 420, л. 34]. Таким способом государство стремилось с одной стороны облегчить продовольственную проблему, а с другой — стимулировать работу районных организаций. В дальнейшем в зависимости от успешного хода кампании доля отчисляемого хлеба могла возрастать. Видя положительные результаты тако-

го решения в кампанию зимы–лета 1933 г., и с целью смягчить тяжесть продовольственной ситуации, в январе 1934 г. Центром был создан специальный хлебный фонд, находившийся в распоряжении краевых властей. Он составлял 30 % от полученного в ходе закупа хлеба. Кроме того, в пользу потребкооперации отчислялось еще 10 % для снабжения собственных работников и продажи населению [2, оп. 2, д. 573, л. 8 об.]. Это расширяло самостоятельность крайкома при решении продовольственной проблемы и позволяло ему распоряжаться собственными ресурсами, направляя их в наиболее нуждавшиеся районы.

Именно от действий районных партийных организаций зависел успешный ход хлебозакупочной кампании. Получая из Центра региональный план по хлебозакупу, Западно-Сибирский крайком распределял хлебозакупочные задания и устанавливал месячные планы по районам. Те в свою очередь обязались их выполнять. Таким образом хлебозакуп проходил по уже отработанной схеме хлебозаготовительных кампаний. В случае невыполнения задания районное руководство несло наказание. 25 июня 1933 г. крайком объявил выговор секретарям райкомов и председателям райисполкомов Чарышского, Котмановского и Кожевниковского районов за то, что те не организовали в первую декаду месяца закупку хлеба у населения [2, оп. 2, д. 420, л. 311]. Если районное руководство могло отделаться выговорами, то сотрудники торговых организаций, непосредственно занимавшиеся хлебозакупом, несли партийную, а в отдельных случаях и судебную ответственность.

Хлебозакуп должен был происходить на добровольной основе. Крестьяне самостоятельно принимали решение продавать хлеб государству. Для этого местные партийные организации проводили широкую агитационную кампанию. Однако распределение ежемесячных планов и строгие обязательства перед краем со стороны районных властей приводили к тому, что райкомы фактически были вынуждены применять административно-репрессивные меры. По меткому выражению одной крестьянки «покупка хлеба производится добровольно, из-под нагана» [2, оп. 2, д. 589, л. 6]. Так, в январе 1934 г. в Ачинском районе по ряду сельских потребительских организаций была спущена директива с точно установленным планом и указанием размеров заготавливаемого хлеба по отдельным колхозам. В одном из колхозов Кемеровского района секретарь кандидатской группы перед колхозным собранием составил список колхозников, имевших хлебные излишки. В этом же районе уполномоченный городского комитета в артеле «Пчелка» предлагал создать комиссию по установлению излишков у колхозников. А в селе Пресновка Купинского района устроили «хождение по дворам» и просили «пожертвовать хлеба государству» [2, оп. 2, д. 589, л. 5–6]. Подобные «хождения» практиковались и в других районах. Сотрудник сельпо Будняковского сельсовета Омского района рассказывал следующее о своей

работе: «Мы в колхозе берем список трудодней и количество полученного хлеба на каждого колхозника и приходим с этими списками к нему в дом. Подсчитываем сколько ему необходимо на продовольствие, а в излишке остающемся просим его расписаться. Перед уходом от него предупреждаем, чтобы он обязательно сдал». На вопрос об эффективности таких методов этот же работник ответил: «Гонят из хаты, заготовили всего 30 центнеров, а хлеба здесь много» [2, оп. 2, д. 620, л. 87].

Характеризуя административные меры, следует отметить, что зачастую задания, устанавливались отдельно для каждого колхозника или крестьянина-единоличника. При этом практиковались различные способы давления: к крестьянам могли приходиться домой, их вызывали к колхозному начальству, в сельсовет или проводили беседы в политотделеции МТС. Однако выполнить хлебозакупочный план за счет имеющегося у населения хлеба оказалось невозможно. И дело не только в нежелании крестьян отдавать государству заработанное тяжелым трудом. После окончания хлебозаготовительной кампании в деревне практически не оставалось хлеба. Продовольственная проблема заметно обострилась в первой половине 1933 г., когда деревню поразил голод. Но даже в относительно благополучном 1934 г. выполнить хлебозакупочное задание партийным и советским организациям оказалось не по силам. Требовалось искать новые источники получения хлеба. Ими стали колхозы, которые продавали государству не только излишки, направлявшиеся на распределение по трудодням колхозникам, но и имеющиеся хлебные фонды, в первую очередь страховые. При этом должна была сохраняться видимость легитимности. Колхозное собрание, после проведения агитационных мероприятий, постановляло продать хлеб государству. На деле никакой добровольности не было. Все основные решения принимались колхозным правлением еще до созыва собрания.

Причина срывов хлебозакупочных планов заключалась не только в отсутствии в деревне хлеба. Государственные органы столкнулись с серьезным противником в лице открывшегося в 1933 г. колхозного рынка. Согласно постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6, 10 и 20 мая 1932 г. колхозам разрешалось продавать хлеб после выполнения заготовительных заданий [6, с. 114]. Начал функционировать колхозный рынок, хотя фактически торговля хлебом происходила до принятия решения государством, оно лишь только узаконивало существовавшую ситуацию. Кроме того, такое же право получали колхозники и крестьяне-единоличники. Для каждого региона дата открытия рынка определялась индивидуально и только после окончания хлебозаготовительной кампании. В Западно-Сибирском крае впервые торговать хлебом на колхозном рынке, было разрешено после 20 января 1933 г., когда завершилась хлебозаготовительная кампания. Кроме колхозов, колхозников и единоличников действовали перекупщики. В отличие от периода нэпа, в

их распоряжении не было большого количества зерна и они не получали значительных прибылей. Ими являлись, как правило, сами крестьяне, покупавшие или выменивавшие у своих соседей-односельчан хлеб и продававшие его на рынке. За ними строго следили органы госбезопасности (милиция и ОГПУ), стремившиеся пресекать любые спекуляции. Цены на рынке были «свободными» и определялись его участниками. Тем не менее, рынок находился под контролем государства. Однако оно не всегда могло успешно осуществлять этот контроль. Торговля хлебом на территории Западно-Сибирского края происходила еще до формального разрешения осенью и в начале зимы 1932 г. в самый разгар хлебозаготовительной кампании. Бюро крайкома неоднократно требовало от ОГПУ пресекать торговлю, в первую очередь колхозами, не до конца выполнившими свои заготовительные планы. Аналогичная ситуация повторилась осенью 1933 г. В данном случае следует уже говорить не о разрешенном властями колхозном рынке, а о черном, который был тесно связан с колхозным. Существование рынка (как колхозного, так и теневого), стало значительной помехой для государства при проведении хлебозakupочных операций.

Рыночные цены на хлеб были значительно выше государственных. Стоимость одного центнера ржаной муки на базарах железнодорожной станции Юрга в апреле 1933 г. доходила до 400 р. В то время как конвенционная цена составляла 4–4,8 р. [6, с. 125]. Не удивительно, что колхозники предпочитали везти полученный на трудодни хлеб на рынок или же оставляли его в собственном хозяйстве. Так, член партии, работавший в уже упоминавшейся артели «Пчелка», располагая по подсчетам заготовителей хлебными излишками в размере 50 пудов, продал только семь, и то после длительной разъяснительной беседы. Комсомольцы этой же артели вообще ничего не продали, заявляя: «Я не хозяин», видимо ссылая на то, что у них в хозяйстве подобные вопросы решают не они. А секретарь ячейки ВЛКСМ вел разговоры о том, что «хлеб выгоднее продавать на базаре» [2, оп. 2, д. 589, л. 5]. Высокие цены на хлеб складывались не только в результате спроса со стороны населения. Их поднимали государственные хозяйственные и кооперативные организации, а также промышленные предприятия, которые стремились обеспечить продовольствием своих работников и посылали уполномоченных на рынок с целью скупать хлеб большими партиями, в результате чего цены взвинчивались. В таких условиях рынок становился еще более привлекательным для продавцов хлеба. Поэтому Западно-Сибирский крайком ограничил список организаций, имевших право покупать у населения хлеб. Его получали только задействованные в хлебозакупе заготзерно и потребкооперация.

Кроме того, предлагавшиеся райпотребсоюзами товары, предназначенные для сдатчиков хлеба, далеко не всегда отличались выгодными

ценами. В Ордынском районе «прислали на отоваривание хлебозакупа мужские ватные пиджаки из бумажного сукна по 46 р. шт., тогда как акорт и р[айонные] п[отребительские] с[оюзы] в третьем квартале свободно продавали их по 35 р. за штуку, или нитки присланы по 55 к. катушка, тогда как во всех сельпо они свободно продаются по 45 к. катушка. То же самое и с мылом, которое стоит 4 р. кг, а акорт свободно торгует им по 3 р. 40 к. кг» [2, оп. 2, д. 589, л. 6].

Государственные организации, занимавшиеся хлебозакупом, проигрывали рынку не только по причине низких заготовительных цен. Рынок оказался более гибким и мог успешно конкурировать с государством. Он функционировал круглый год, несмотря на ограничительные меры со стороны властей и запрет торговли хлебом до окончания хлебозаготовительной кампании. Начальник политотдела Топкинской МТС в 1934 г. отмечал в одном из своих донесений следующее: «Хлебозакуп кооперации разрешен был и начался лишь в конце января. Но оказывается, что «коробейники»-«менялы» нас в этом деле опережают. Как выясняется, еще с осени по колхозным дворам стали ходить разного рода «менялы», которые на всевозможные товары, судя по отдельным фактам, выкачали немало хлеба. Эти менялы, идя по дворам, носят с собой наибольшее количество товаров, тут же обменивают на хлеб, принимают «заказы», которые <...> выполняют лучше и быстрее, чем наша кооперация» [2, оп. 2, д. 633, л. 85]. Уже к началу открытия колхозного рынка крестьяне продали перекупщикам или обменяли у них на товары часть своих хлебных излишков. Это было выгодно не только по причине низких заготовительных цен. Крестьяне стремились заранее подготовиться к зиме и купить необходимые для этого товары. А колхозный рынок начинал функционировать только зимой. Власти понимали данную проблему и осенью 1934 г. система хлебозакупа претерпела некоторые изменения. Теперь хлебозакуп стал проводиться одновременно с хлебозаготовками. В Западно-Сибирском крае кампания началась 15 сентября 1934 г. Формально это обосновывалось засухой и неурожаем в степных областях Украины. Таким образом, власти начали скупать хлеб задолго до открытия колхозного рынка, и он перестал выступать в качестве конкурента. Хотя черный рынок хлебопродуктов продолжал функционировать.

У перекупщиков, располагавших незначительными хлебными запасами, не было проблем с их хранением. У государственных организаций, напротив, возникали затруднения при приемке и складировании хлеба. Нередко по причине халатного отношения к своему делу их работников. Так, «В Тюменцевском районе колхозники с/х артели им. Буденного (с. Макарово) организовали обоз хлеба и когда приехали в сельпо, то амбар был закрыт, послали за продавцом для приемки хлеба тов. Бочаровым, который принимать хлеб отказался и заявил: «Сегодня выходной день и принимать от вас хлеб не буду». Колхозники возмущенные

уехали обратно». Подобные случаи оказались весьма распространены: «В Карасукском районе в Новохатское сельпо колхозники привезли 54 центнера хлеба, но в сельпо не оказалось приемных квитанций и нужного ассортимента товаров. В результате такого безответственного отношения колхозники увезли хлеб обратно». В то же самое время рынок был лишен такого недостатка, как волокита со стороны сотрудников хлебозакупочных организаций: «Ст[аро]-Бурдинское сельпо в базарный день открывает лавку в 11 часов дня, а склад для приемки хлеба еще позднее, в то время как спекулянты и перекупщики выменивают хлеб у колхозников на товары» [2, оп. 2, д. 589, л. 7].

Еще одним недостатком в работе государственных организаций, было нерациональное распределение товаров, направлявшихся в деревню для обеспечения хлебозакупа: «от сбруи некоторые р[айонные] п[отребительские] с[оюзы] отказываются, затоварены ею, а другие, например, Любинский не имеет не одного хомута» [2, оп. 2, д. 589, л. 6]. Не удивительно, что более гибкий рынок, на котором при должном умении можно было найти необходимые товары, выигрывал конкуренцию у государства. Недостатки в работе торговых организаций во время проведения хлебозакупочных кампаний признавались и со стороны Западно-Сибирского крайкома: «как со стороны крайсоюза, так и местной торговопроводящей сети наблюдается неповоротливость, неумение работать оперативно, неумение своевременно учитывать и правильно распределять имеющиеся товары, быстро доводя их до потребителя» [2, оп. 2, д. 589, л. 8].

Таким образом, государственные организации встретились с рядом трудностей при проведении хлебозакупочных кампаний. Их планы не выполнялись не только по причине отсутствия хлеба в пораженной голодом деревне (что характерно для первой половины 1933 г.), но и из-за крестьянского сопротивления, вызванного нежеланием сдавать хлеб по низким закупочным ценам. При этом государство столкнулось с конкурентом в лице рынка (как черного, функционировавшего вопреки запретительным мерам со стороны властей, так и колхозного). Более высокие рыночные цены привлекали продавцов хлеба. Здесь же на рынке они могли приобретать промышленные товары. Государственные организации проигрывали конкуренцию не только по причине разницы цен, но и из-за своей неповоротливости. Промышленные товары, направлявшиеся в деревню, распределялись нерационально, независимо от потребительских запросов. Поэтому в одних сельпо происходило затоваривание, а в других наблюдался дефицит. Рынок оказался более гибким. Выполнить хлебозакупочные планы в таких условиях становилось возможным только применяя административно-репрессивные меры. Хлебозакуп проходил по уже отработанной властями схеме хлебозаготовительных кампаний: строгие ежемесячные районные планы, наказание руководства отстающих районов, оказываемое на колхозников и крестьян-еди-

ноличников административное давление. Тем не менее, дефицит хлеба в деревне и пассивное крестьянское сопротивление государственным мерам, а также конкуренция со стороны рынка, привели к провалу хлебозакупочных кампаний в 1933–1934 гг.

Список использованной литературы и источников

1. Аграрная политика государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. : документально-монографическое издание / под ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2011. — 608 с.
2. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. П–3.
3. Дэвис Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт — М. : РОССПЭН, 2011. — 539 с.
4. Ильиных В. А. Осень 1935 года: ликвидация крестьянства как класса продолжается / В. А. Ильиных // Известия Сибирского отделения Российской Академии наук. — 1993. — № 2. — С. 53–60.
5. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). / В. В. Кондрашин. — М. : РОССПЭН, 2014. — 350 с.
6. Николаев А. А. Децентрализованные заготовки сельскохозяйственной продукции в сибирской деревне в начале 1930-х гг.: план, рынок, теневой оборот / А. А. Николаев // Сибирская деревня: проблемы истории. — Вып. 2. — Новосибирск, 2014. — С. 113–130.

Информация об авторе

Лапердин Вячеслав Борисович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Author

Vacheslav B. Laperdin — Ph.D. in History, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

УДК 631.6.02(571.5(09))
ББК 40.64(253.5)г

В.М. ЛЕВЧЕНКО

ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛИ В ХОЗЯЙСТВАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1966–1970 ГОДАХ

Статья посвящена вопросам повышения плодородия почв на основе мелиорации сельскохозяйственных земель, мерам по защите их от ветровой и водной эрозии. На ряду с работой по интенсификации пашни речь идет об улучшении лугопастбищных угодий в хозяйствах региона.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, мелиорация, ветровая и водная эрозия.